
*Эта книга посвящается
Невиллу Леопольду
Уинтеру*

Спокойный, стойкий, невероятно трудолюбивый; его было легко рассмешить, и у него была радостная улыбка, от которой вокруг глаз появлялись морщинки. Он был моим отцом, и его не стало, когда я писал «Огни возмездия». Почти пятьдесят лет он был женат на одной из самых замечательных женщин на планете. Невилл начал карьеру как инженер-химик и закончил учителем старшей школы. Он отдавал своим ученикам все, неустанно работая по будням и репетиторствуя каждые выходные, чтобы изменить жизнь к лучшему, насколько мог. Улучшить мою жизнь ему точно удалось. «Одна из самых важных вещей в жизни — заканчивать то, что начинаешь», — сказал он мне перед тем, как я начал серьезно заниматься писательством. Он больше не давал мне советов, а этот оказался на удивление простым. И все же он мне запомнился, и в самые тяжелые писательские дни, когда моя история совершенно не желала, чтобы ее рассказывали, отцовские слова не позволяли мне сдаться. Две книги вышли благодаря той силе, что он

мне дал, и даже с этой силой писать романы оказалось делом непростым. Немалая часть этого цикла посвящена отношениям между отцами и сыновьями, и когда я садился, чтобы продолжать писать, меня часто охватывало чувство, будто мне приходится мириться с тем, что моего отца больше нет, и потеря его проделала во мне огромную дыру. Но напоминая себе, что отец был рядом и растил меня, учил, видел, как я женился, как у меня родился собственный сын, — я находил силы двигаться дальше. Он был рядом во всем, а это, я знаю, не всегда возможно. Поэтому, если эта боль — цена за то, что мне повезло иметь такого любящего отца, я с радостью ее заплачу.

Эта книга посвящается Невиллу Леопольду Уинтеру, которого я так и не перестал называть папочкой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЖАБАРИ ОНАИ

— Он умрет?

Голос разбудил его, и боль вернулась. Он знал, что лежал на больничной кровати в Крепости Стражи Цитадель-города, и его тело было обожжено драконьим огнем, но Джабари Онаи не знал, почему Богиня оставила его в живых в таком жалком состоянии.

Он попытался открыть глаза, и боль жгучими волнами прокатилась по лицу. Веки расплавились и склеились, отчего ему приходилось смотреть на мир, будто из-за высокой травы.

Он хотел заговорить, попросить Тау или жрецов Саха избавить его от страданий, но не смог издать ни звука. Горло было слишком сильно обожжено.

— Я бы не сказала, что он умирает, — услышал Джабари женский голос, — но не могу и сказать, что он будет жить.

Говорившая перешла к изножью кровати, и сквозь неровные щели между обожженными веками он различил ее рядом с Тау. Это была жрица медицинского ордена Саха.

— Он жив до сих пор лишь потому, что он Вельможа, — сказала она. — Их тела способны выдерживать большие нагрузки, и они исцеляются быстрее нас, но после травм, которые были ему нанесены... это чудо, что он все еще дышит.

— Он боец, — сказал Тау. — Всегда таким был, и если дать ему хоть малейший шанс, он ухватится за него и делает все возможное, чтобы победить.

— Мы не сдадимся, — сказала она.

Джабари услышал, как по полу царапнул стул. И заскрипел, когда на него кто-то сел.

— Я здесь, Джабари. Это Тау, и я здесь.

— Он вас не слышит, — сказала жрица. — Боль... мы даем ему травяные отвары, чтобы справиться. Иначе было бы невыносимо.

— Его не беспокоит то, что я здесь? — спросил Тау.

— Нет, — ответила она. — Нам всем очень повезло, что с нами был кто-то в... в такое время.

Джабари услышал шаги. Жрица вышла из палаты, и когда стук ее каблуков затих, Тау склонился над ним, чтобы взять его за руку. Прикосновение было бережным, но это не имело значения.

Опаленные пальцы Джабари взорвались болью, и не в силах издать ни звука, не в силах сопротивляться, он всматривался сквозь прорехи в веках на покрытое шрамами обеспокоенное лицо друга, отчаянно надеясь, что Тау увидит в его взгляде свет сознания. Но Тау не видел: он продолжал держать руку Джабари — и сильнее всего желая хоть какого-то облегчения, Джабари искал убежища от собственных чувств. Он уловил знакомый запах кожи, бронзы и земли и изо всех сил попытался найти утешение в нем, но агония не оставила места ни для чего, кроме самой себя.

— Я хочу, чтобы ты знал: у тебя получилось, — сказал Тау. — Ты тот мужчина, которым всегда хотел быть.

Тебе не нужна кровь Великого Вельможи, чтобы быть Ингоньямой, когда у тебя есть такой дух и доблесть.

Джабари слышал, как Тау всхлипнул, и от этого ему стало еще больше.

— Джабари, неважно, что нас ждет, я позабочусь, чтобы омехи тебя помнили.

Повисло молчание, и хотя его сознание было замутнено обезболивающими отварами, Джабари мысленно кричал. Ожоги причиняли страдания.

— Могло ведь быть и по-другому, нэ? Если бы не испытание? — продолжил Тау шепотом. — Это было будто бы тысячу жизней назад. Я просто хотел, чтобы у тебя получилось, но когда миру было дело до того, чего хочет какой-то Меньший?

Джабари знал, что никогда не забудет этот день. Тау дрался в тренировочном бою с тем избалованным увальнем, Кагисо, и пустил ему кровь на глазах у Советника Стражи Абаси Одили. Он оказался достаточно глуп, чтобы ранить Малого Вельможу. И Одили, желая удостовериться, что Меньший поплатится за оскорбление, поручил Келлану Окару напомнить Тау, где его место.

Арен, чтобы не позволить сыну сражаться с уже легендарным Посвященным Индлову, выступил против Келлана Окара вместо него и потерял руку. Это была трагедия, но Джабари, как и все остальные, видел, что Келлан пытался сохранить Арену жизнь и на этом закончить. Бой и должен был закончиться на этом, но Тау подхватил упавший меч отца и нацелил его Келлану в спину.

Глупец! Вокруг было полно Меньших и Батраков, и все они видели, что он сделал. Тау угрожал Вельможе, а этого спустить ему с рук Абаси Одили не мог. Советник приказал убить отца Тау, после чего отменил испытание для Посвященных Индлову, тем самым поставив под угрозу статус Керема как феода.

В считанные минуты личная трагедия обернулась катастрофой, но потом все стало еще хуже. По пути домой Тау атаковал Лекана, возложив на брата Джабари вину в смерти Арена. И так дважды за один день Тау вынудил превосходящих его противников применить против него силу. И хотя у Джабари от этого разрывалось сердце, единственным способом уберечь Тау от самого себя было убрать его подальше от Лекана, и он изгнал своего друга, с которым они всю жизнь были вместе, из Керема.

Голос Тау вернул Джабари в реальность.

— Они убили моего отца, и я хотел заставить их заплатить за это. Я хотел вступить в армию, чтобы бросить вызов каждому. Я хотел убить их одного за другим на кровной дуэли, потому что это был единственный способ. Иначе Вельможи пришли бы за моей семьей.

Если Джабари не знал, чем закончилась эта история, он мог бы поклясться, что слушает бред сумасшедшего.

— Я думал, что смогу научиться драться достаточно хорошо, чтобы победить такого Ингоньяму, как Деджен Олуджими, — сказал Тау, и перед мысленным взором Джабари предстал запечатлевшийся в сознании образ солдата, который убил отца Тау.

Деджен Олуджими, казалось, сплошь состоял из мышц. Деджен Олуджими был одним из лучших воинов омехи... Был.

— Я был в ярости, — сказал Тау. — Я ходил к Лекану, прежде чем покинуть феода.

Этой части истории Джабари не знал и почувствовал, как его дыхание участилось.

— Я пришел к нему сказать, что в следующий раз, когда мы встретимся, я убью его за то, что он причастен к смерти моего отца.

В эту минуту боль Джабари отступила, впервые с тех пор как он очнулся.

— Лекан напал на меня с ножом. Это он оставил мне этот шрам, — сказал Тау, проводя кончиками пальцев по отметине, которая тянулась от носа к щеке. — Мы начали драться. Я... я защищался, и... он погиб.

Он погиб. Вот как Тау выбирал слова. *Он погиб*. Фраза взорвалась в голове Джабари боевым барабаном.

Его мать проплакала несколько дней после того, как тело нашли у подножия лестницы. Несчастный случай, якобы, поскользнулся, перебрав спиртного. Его мать плакала, сыпала проклятиями и замкнулась в себе. В тот день она потеряла и сына, и часть своей души.

— Я бежал в Кигамбе, прошел испытание Ихаше и попал в Чешуй Джавьеда Айима, — продолжил Тау. — Мне повезло, и точно как ты сказал, нет Умквондиси лучше, чем Джавьед.

Джабари молился о возможности задушить Меньшего, которого звал другом и которого считал равным себе. Его брат был не идеален, но никто ведь не был таковым. Лекану нужен был лишь шанс дорасти до самого себя и до своих обязанностей, но этого шанса его лишили, когда Тау украл его у мира и у семьи.

— Я посвятил жизнь тренировкам. Я стремился стать сильным бойцом, чтобы отомстить за смерть отца. Это было единственное, что имело значение, прежде чем я увидел Зури в Цитадель-городе.

Джабари снова стало больно, и лекарство в его теле давало возможность забвения, если бы он его принял. Он же предпочел боль. Захотел услышать все, что расскажет ему Тау.

— Она спасла меня, Джабари. Жизнь, которую я вел, не стоила того. Встреча с нею в Цитадель-городе была спасением. — Тау замолчал.

Он выпустил его руку, и Джабари возблагодарил Богиню. Было невыносимо беспомощно лежать, пока убийца его брата заботился о нем.

— Именно здесь мне выпал первый шанс победить Келлана Окара. Меня вовлекли в бой против него в одном из городских округов. Я хотел вывернуть его наизнанку, и мне казалось, что я смогу, — продолжал Тау. — Я уже научился драться двумя мечами, и я был хорош, очень хорош. — Тау горько рассмеялся. — Келлан меня уничтожил, — сказал он.

«Лучше бы он тебя убил», — подумал Джабари.

— Я посвящал тренировкам каждую минуту. Я стал самым сильным бойцом в Южном Ихаше Исиколо, но ему я все равно был не ровня. Зури пришлось меня от него спасать, и я бежал из города, как беглый Батрак.

«Потому что ты такой и есть», — подумал Джабари.

— Я всю жизнь положил на то, чтобы стать таким бойцом, каким мне было нужно, но этого оказалось мало, — сказал Тау. — Мне пришлось отдать еще и душу. И я это сделал.

Джабари не понял, что это значит, и ждал объяснений.

— То, что я обнаружил, было скорее проклятием, чем даром, и оно только и ждало, что мне хватит глупости туда влезть. Видишь ли, демоны есть у каждого, — сказал Тау. — Я просто научился своих использовать.

Он говорил загадками.

— Мой чешуй вышел на Королевскую Сечу, и это был первый случай за целое поколение, когда в ней принимали участие Меньшие, — сказал Тау. — Я был частью невероятного, Джабари, и достиг невозможного. Я наконец был готов сразиться с Келланом Окаром, но именно тогда я узнал, что королева Циора тайно заключила мир с ксиддинами, поставив под угрозу все, к чему я стремился.

Тау, должно быть, было тяжело от того, чем закончилась эта история. Он постоянно ерзал на стуле, скрежеща ножками по полу.

— Чешуй Джавьеда славно бился, и мы дошли до полуфинала, — сказал он. — Нам выпало драться против чешуя Келлана, твоего чешуя, и тогда-то у меня появился первый настоящий шанс. Я мог убить Келлана на турнире, и это стало бы не чем иным, как несчастным случаем.

Тау снова поерзал на стуле.

— Ты меня там видел. Ты знаешь, что я бросил своих братьев по оружию, чтобы добраться до него, — сказал Тау. — Я предал семью, которую обрел в Исиколо, ради мести, и когда жизнь Окара оказалась в моих руках, я усомнился. Я не убил его, когда у меня была возможность, а потом возможности не стало. Келлан Окар выжил, и мы выбыли из Сечи.

Джабари был потрясен, когда увидел, что Тау сделал с Келланом. Он считал, что Великий Вельможа неуязвим, и сама мысль о том, что мальчишка, с которым он рос, способен сотворить такое с инколели Чешуя Осы, представлялась ему невысказанной.

— В моем чешуе меня ненавидели, а Зури и Джавьед пытались убедить меня, что Келлан невиновен в смерти моего отца, но я их не слушал, да и времени было мало. Ксиддины начали вторжение.

Джабари вспомнил звук боевого рога той ночью.

— В этом не было смысла, ведь до заключения мира оставалось так всего ничего, — сказал Тау. — Но потом я узнал, что Придворные Вельможи устроили заговор и предали королеву. Они отказались подчинить свою цивилизацию тем, кого считали дикарями. И поэтому тайно напали на ксиддин, использовав дракона, чтобы сжечь дотла десятки тысяч людей. А вторжение не означало, что

ксиддины отказались от мирного договора. Это значило, что они мстили за бойню, которую мы учинили против их женщин, мужчин и детей, — сказал Тау.

Джабари не желал слушать о том, почему хедени сделали то, что сделали. Это не имело значения. В ту ночь он потерял братьев по оружию. В ту ночь погибли омехи.

— В бою на Кулаке Джавьед, Чинеду и большая часть моего чешуя отправилась к Богине, — сказал Тау.

С чешуем Джабари случилось то же самое. Воины были убиты.

— Ксиддины побили нас, и мы бежали, отступили в Цитадель-город, надеясь найти убежище там. Но вместо этого узнали, что Одили с сообщниками пытался убить королеву, — сказал Тау. — Помнишь, нэ? Мы тогда сражались бок о бок, защищая ее.

Джабари выдохнул, насколько мог, тяжело. Он не желал никакой милости от Тау, и это была ложь: неверно было утверждать, что они сражались бок о бок, потому что это предполагало, будто они были на равных. Он несколько раз едва не позволил себя убить, и Тау снова и снова приходилось его спасать.

— И мы это сделали, — сказал Тау. — Мы не позволили Одили добраться до королевы, и я покончил с Дедженем Олуджими.

Джабари не видел их боя. Он был тогда в комнате с королевой, где проигрывал в схватке Индлову. Но он видел последствия боя Тау. Деджен был разъярен, когда сражался и Тау ослепил его, искромсал на куски и проткнул ему сердце.

Тау в одиночку победил Разъяренного Ингоньяму — порубил его, как мясник. Это казалось невероятным, но все-таки у Тау был секрет. Даже несколько секретов, подумал Джабари, вспоминая погребальное сожжение своего брата.

— Одили бежал, и мы бросились за ним. Но когда мы нагнали его, к воротам подошли ксиддины. — Тау говорил слишком быстро. Джабари становилось трудно улавливать смысл его слов. — Зури призвала дракона, чтобы ксиддины отступили, и Одили приказал своим воинам атаковать зверя, создав суматоху, чтобы самому скрыться. Зури, она... она не могла удержать дракона под контролем, и он взбесился. Поубивал людей.

Джабари хотелось, чтобы Тау замолчал.

— Он бы убил и моих братьев по оружию.

Джабари не желал слушать дальше.

— Но ты ему не позволил. Он жег огнем хороших людей. Но другой хороший человек выставил для них щит, приняв самое страшное на себя. Ты их спас.

Джабари казалось, что он хватается ртом воздух, так же, как в ту ночь, когда он оказался в объятиях пламени, которое сжигало его всего — вплоть до слез, что сочились из глаз.

— Дракон тогда нацелился на Зури, — продолжил Тау дрогнувшим голосом. — Он... он напал на нее... он... Она погибла в ту ночь, а Одили сбежал, и королева выпустила дракона. Она выпустила его, угрожала им ксиддинам, и отдала вождю его сына в обмен на их отступление. В обмен на отсрочку.

Джабари не знал. Не знал, что Зури погибла. Они вместе росли, и она даже немного ему нравилась, когда они были еще слишком юными, и он не знал, что она всего лишь Меньшая.

— Уже скоро ксиддины вернутся, чтобы закончить то, что начали, а наш народ расколот, — продолжал Тау. — Придворные объединились с Абаси Одили и самозваной королевой Эси. Многие другие Вельможи также к ним примкнули.

«Значит, мы все обречены», — подумал Джабари.

— Но это не может закончиться вот так. Нужно еще так много сделать... — Тау осекся, и Джабари услышал приближающиеся шаги.

— Не сдавайся, Джабари Онаи. Мне не помешала бы помощь хорошего и самоотверженного человека.

— Чемпион, — произнес женский голос, — вас зовут.

Женщина подошла, оказавшись в поле зрения. Она была в одеждах Одаренной. «Зури», — подумал Джабари, но вспомнил, что сказал ему Тау: Зури погибла. Значит, эта женщина не могла быть ею.

Стул у кровати Джабари снова скрипнул, и над ним нависла тень.

— Не сдавайся, — прошептал Тау. — Мы достанем того, кто причинил боль нам обоим.

— Чемпион, нам нужно спешить, — сказала Одаренная.

— Абаси Одили не избежит расплаты, — заверил его Тау. — Не сдавайся, и я клянусь, прежде чем наша боль поглотит нас, мы сожжем ее в огне возмездия.

НЕОСПОРИМЫЙ

— Куда мы идем? — спросил Тау Одаренную, которая увела его от Джабари.

Она сказала ему, чтобы он поспешил вернуться в свои покои, сообщив также, что королева готовится к встрече с несколькими Вельможами, и что Нья тоже хотела бы его там видеть. Ответ был неутешительным. Час был поздний, и хотя Тау не слишком много знал о полуночных встречах, он не думал, что они могут сулить что-нибудь хорошее.

В покоях Тау Одаренная велела ему взять мечи из драконьей чешуи и чемпионскую броню, что дала ему королева. Черные клинки, вставленные в рукояти мечей

его отца и деда, ощущались на боку привычно, однако броня — из черно-красной кожи, как у Ингоньямы, — казалась ему неудобной.

Дело было не в ее размере и не в качестве. Последнее подношение королевы оказалось настоящим чудом, дававшим Тау бóльшую свободу движений и бóльшую защиту, чем его старый гамбезон. Беспокоил его не внешний вид брони — но ее предназначение.

Ношение ее давало ему звание чемпиона королевы. Оно указывало всему народу омехи, что он — один из лучших среди них, а Тау не питал иллюзий относительно того, что на этот счет думали Вельможи.

— Чемпион, — проговорила Одаренная с дрожью в голосе, оглядывая его с ног до головы. — Чемпион Соларин. — Она вскинула голову. — Я Одаренная Танди, но... я раньше была Высшей Мирялкой, — сказала она с гордостью, хотя Тау не мог быть уверен, связано ли это с ее нынешним положением или со странной оценкой того, от чего она отказалась.

Ему до сих пор было трудно смириться с мыслью, что Одаренные когда-то были Меньшими. Женщина перед ним выглядела сильной, упитанной и безупречно одетой. Сама сущность ее, казалось, предполагала иное происхождение, особенно принимая во внимание ее изящество и уверенность движений, ее гладкую, необветренную кожу и легкость, с которой она позволяла проявиться своей красоте.

Меньшие так не могли. Они как можно глубже запрятали свою истинную сущность, потому что, привлекая внимание Вельмож, быстро получали напоминание о том, где их настоящее место.

— Они подумают, у меня нет права это носить, — сказал он, выплеснув свои мысли прежде, чем успел их сдержать.

— Они будут неправы.

— Почему вы так говорите?

— Я так говорю, потому что если бы кто-то мог оспорить ваше право, он бы уже это сделал, — сказала она. — Достичь того, чего достигли вы, учитывая, что они о нас думают, — значит стать неоспоримым. — Она поманила его рукой. — Следуйте за мной.

Быстрыми шагами они прошли по галерее залов, где миновали нескольких стражей, каждый из которых отдал честь Тау, следуя воинскому инстинкту, превосходящему любые сомнения, которые могли возникнуть относительно мужчины, носящего броню Ингоньямы. Танди привела его в незнакомую ему пустующую часть Крепости Стражи, где стены не были украшены ни гобеленами, ни картинами, а голые полы повторяли стук шагов. Приведя его в конец неотделанного коридора, она остановилась перед запертой дверью, которая была едва выше Тау и заключена в бронзовую раму.

— Мне жаль вашего друга, Малого Вельможу, который был опален, — сказала она, достав ключ, скрытый в ожерелье, и отперла дверь. — Я слышала, он спас немало жизней.

— Так и есть, — кивнул Тау.

За дверью оказалась узкая лестница, которая вела в темноту, и Одаренная Танди пошла вперед.

— Минуту, Леди Одаренная, — сказал Тау, стараясь скрыть страх в голосе, охвативший его при виде лежащего перед ним пути. — Лестница... вы хотите, чтобы я спустился в тоннели под крепостью?

Женщина взглянула на него через плечо.

— Идемте, чемпион, — сказала она. — Визирь ждет.

Тау отступил на шаг.

— Полагаю, мне нужно знать больше о том, что мы делаем и почему, а она могла бы немного подождать.

Танди склонила голову набок и прищурилась. Она не была похожа на остальных Одаренных, которых он встречал. Почти все они выглядели аскетично и строго,